

Есть у Бога любимчики, которые живут исключительно за счет собственного таланта и труда.
Среди них — голливудский фантазер, выудивший «Крупную рыбу»

КИНО

Татьяна МОСКВИНА

Счастьем критика является отнюдь не полное исчезновение искусства, как вы думаете, а встреча с таким художественным явлением, к которому нет решительно никаких претензий, а один лишь ласковый вздох — «дай тебе Бог здоровья...». Такую лирическую привязанность я испытываю к своему далекому и не подзревающему о том другу, кинорежиссеру Тиму Бертону, чей последний фильм «Крупная рыба» вышел на российские просторы. Вот жизнь так жизнь — как на фуникулере в гору едешь, дыша свободной грудью, от победы к победе, от успеха к успеху, от одной красавицы к другой, еще краше, обрстая друзьями, не занимаясь ничем, кроме творчества, и все за счет собственного таланта и труда (при очевидном Божьем попущении, конечно).

Что ж, ничего не поделаешь, утрите завистливые слезы — есть, есть у Бога любимчики. Родился сорок пять лет назад в Лос-Анджелесе мальчик, выучился на аниматора, попал в студию Диснея, обратил на себя внимание — личными способностями, получил самостоятельную работу, справился, получил другую, тоже не подкачал, и пошло-поехало.

Киноречь Бертона, быстрая, предельно образная, изысканная, остроумная, полная гротескных перепадов и нежнейшего простодушия, понятна массам, и некоторые его картины («Бэтмен» и «Бэтмен возвращается», «Марс атакует!», «Сонная лошадина», «Планета обезьян») имели недюжинный коммерческий успех. Некоторые — любимы гурманами («Эдвард руки-ножницы», «Эд Вуд»). Но вообще-то поклонников у Бертона много, и это не связано с национальностью, социальным положением, образованием и возрастом. Тут надо иметь особый склад души, «попадать» в его мир, хотя сделать это нетрудно — миры Бертона открыты и ждут людей.

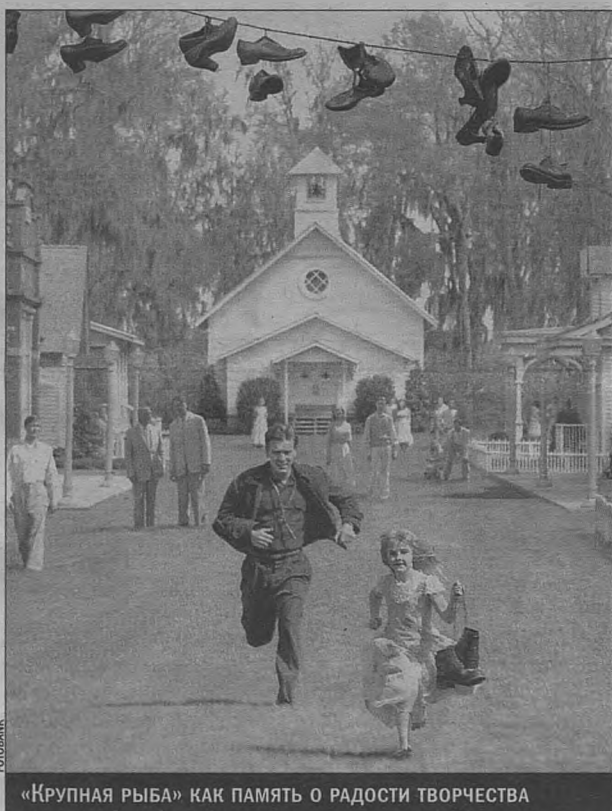
Бертон — прирожденный художник, а значит, глаз его прежде всего ощупывает формы мира и пластически чувствует свойственные ему причудливости, странности, затаенные прелести и разнообразие уродства, в сущности мало отличающиеся от прелестей. В картинах Бертона нет никакой идеологии и не сыскать следов борьбы за какие-то внешние, вне творчества находящиеся задачи. Его созидательная сила родственна тем силам, которые когда-то весело и радостно творили Вселенную, а потом были вытеснены из нее мрачной схваткой «добра» и «зла». Они раскра-

Счастливлчик ТИМ

Моск. новости — 19–25 марта — с 28. — 2004 г.

ТИМ БЕРТОН, ПОХОЖИЙ НА СВОИХ ГЕРОЕВ

«Крупная рыба» как память о радости творчества

ГЕРОИ «Крупной рыбы» просто счастливы в любви

Играющее дитя Голливуда

шивали рыбок в теплых морях, прилаживали радугу к водопадам, выдумывали, какие бы ножки сделать жукам и в каком темпоритме класть полоски на зебру. Для Тима Бертона именно это — суть творчества. Вольная, веселая, счастливая, красочная выдумка, не имеющая целей вне собственного блистания. Обожатель сказок и комиксов, играющее дитя Голливуда, Тим Бертон искренне не въезжает ни в какие социальные драмы и не видит ни малейших проблем в области Эроса. Его герои доблестно завоевывают своих белокурых прелестниц — и все дела. Конечно, в этом веселом мире всегда есть место страхам, ужасам, но и они у Бертона такие же игровые и забавные, как он сам, с его длинным лицом, круглыми глазами и черными непричесанными кудрями.

Так или иначе, все заветные герои Бертона, будь то дивные монстры из «Бэтмена», гений-урод с ножницами вместо рук, вдохновенно-

бездарный кинорежиссер Эд Вуд, естествоиспытатель кровавой и сонной лошадки Крейн или крупный врун Эдвард Блум последнего фильма, заражены главной особенностью своего создателя: творческим отношением

/// **Без фантазеров
жизнь скиснет,
потускнеет,
ПРЕВРАТИТСЯ В ПРЕСНУЮ
КАШИЦУ РАЦИОНАЛЬНЫХ
БУДНЕЙ** ///

к жизни. Преображение, борьба, неуспокоенность — вот их девиз.

А рыба — рыба появилась сразу, и так важно, так обволакивающе и сказочно вильнула в синей глубине толстым хвостом, что стало понятно: Бертон начинается. «Крупная рыба» свидетельствует — играю-

щее дитя Голливуда подросток. Режиссер по-прежнему упивается своими выдумками, но теперь они сложены в цельное мировоззрение, в затаенный рассказ о непростых взаимоотношениях жизни и фантазии. Эд-

вард Блум, увесистый мужчина с лицом отменно пожившего гулены (Альберт Финни), знаменитость родного городка, провинциальный барон Мюнхаузен, на исходе своего земного пути растревожен вопросами сына, банального яппи, о том, что же на самом деле было правдой в его жизни,

а что — обаятельными врагами. Он снова рассказывает свои истории, и молодого Блума, игрового героя, воплощает на экране актер Юэн Макгрегор, которого хочется назвать его настоящим именем Иван. Потому что это и есть подлинный Иванушка Интернэшнл, и куролесит он, как положено, — дружит с великаном, подглядывает за ведьмой, ловит на обручальное кольцо самую большую рыбу в реке, работает в цирке, коим руководит сердитый и одинокий оборотень (великий хоббит Дени де Вито), дерется за любимую девушку среди моря нарциссов, окропляя их бойцовской кровью, вывозит из далекого Вьетнама сиамских близнецов-певичек, спасает от разорения деревушку Мираж и, разумеется, никогда не унывает.

Истории Блума могли бы показаться чистым сентиментально-юмористическим китчем, если бы не освещающее их вдохновенное сияние, то, которое бывает в детских глазах, свято веру-

ющих в сказочную действительность. Что же, все выдумал озорной старина, большой человек, проведший жизнь в маленьком городе, шалил от избытка невообразимых сил? В конце фильма, где припасен для зрителя самый остроумный фокус, мы понимаем, что — нет, не все придумал Эдвард Блум. Досочинил, дофантазировал, приукрасил, расцветил — но не на пустом месте. И какие бы необычайные обстоятельства ни изобретал для себя герой, он во всяком случае оставался самим собой, чудесным свободным человеком, которого все любили, от преданной жены до первых встречных.

«Крупная рыба» — это гимн рассказчикам-фантазерам, единицы из которых выживают в писатели или кинорежиссеры, а большинство остается провинциальными чудаками, врунами, придумщиками, вечными мальчишками, готовыми немедленно идти на болото искать старый ведьмин дом. Они нелегки в быту, они раздражают взрослых — и потому неотвратимо скучнеющих — детей. Но без фантазеров жизнь скиснет, потускнеет, превратится в пресную кашу рациональных будней. В них плещется, как крупная рыба, память о радости творчества, на которой построен и замешан мир. Внимательный к деталям режиссер тщательно выстроил в своей картине не только первый, но и второй, третий план — наимельчайшие персонажи очерчены остро и живо, с особенной бертоновской занимательностью. Вот великан, он не просто какой-то великан, его после фильма не забудешь — какой он нелепый, худой, печальный, какие у него впалые щеки, очаровательно-перекошенные черты лица, одно плечо выше другого, а пальтишко висит, точно на вешалке. А как хорош цирк, на котором, естественно (как, впрочем, и на всей картине в целом), лежит смеющаяся цветная тень Федерико Феллини... Бертону повезло. Жизнь откуда повернута к нему самым ласковым, самым ослепительным своим обликом, и он делится с нами полновзвучным великолепием своего искреннего и красочного мира, где прекрасное простодушно прекрасно, а ужасное уж так ужасно, что тоже прекрасно. Как далеко творчество Бертона от наших уродливых провинциальных невротизмов, от перекореженных социальными катаклизмами душ наших художников, от тяжких истерических взаимоотношений с родиной, от скучных глупостей, выдаваемых за идеологию, от агрессивных приматов, изображающих героев, от претензий насчет «а зрителю надо то-то и то-то», от бесконечных попыток управлять туда-сюда культурой... О, счастливлчик Тим!

МН

Бертон Тим (режиссер кино.)